

По сути дела, если лесоруб пьет на делянке, закинув пилу под елку, у тракториста трактор простаивает в канаве, а земля зарастает, если в кафе или гостинице вам хамит обслуга, то это она хамит не нам, она выражает протест владельцам бара, которые лишили ее работу всякого побудительного смысла. Этакая скрытая гражданская война.

Поэтому я считаю, что капитализм на нашем русском Севере в тех его откровенных формах эксплуатации, когда одним хочется сразу из грязи да на Багамы, прибрав всю прибыль к своим рукам, не делясь ни с кем, такой капитализм не станет созидательной базой для развития экономики и общества.

Земли будущего

Известный искусствовед С. В. Жарникова, ссылаясь на «Известия архангельского общества изучения северного края», пишет о том, что в начале прошлого века департамент земледелия Соединенных Штатов Америки провел под руководством известного ученого, бывшего земского агронома из Архангельской губернии Александра Криштафовича обследование всех сельскохозяйственных угодий планеты на предмет их перспективности. И что в результате этих исследований самыми перспективными были названы земли Северо-Запада России.

Какие факторы были в пользу этого? Длинный световой день, обилие не прямой солнечной радиации, достаточное количество влаги, чтобы не страдать засухами, достаточный температурный режим и плодородие почв.

Земли Северо-Запада были названы «землями будущего». И хочется в это верить всем сердцем и разумом.

***Н.П. Захарова**
Вологда*

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ГЕРОЙ РАССКАЗОВ В. И. БЕЛОВА

В советский период беловский герой чаще оценивался с точки зрения социальной активности или с точки зрения соответствия национальным традициям, в частности, так называемой «власти земли». Оценки героев были крайне полярны: или их упрекали в негероичности и неактивности (Л. Плуткин, И. Дедков), или превозносили до небес, видя в них идеальное воплощение «цельного гармоничного человека земли» (Емельянов Л., Кудрова И., Смирнова А.). Такой подход к оценке крестьянского героя В. Белова кажется нам несостоятельным ввиду своей однолинейности.

После 90-х годов назрела необходимость пересмотреть концепцию личности в русской литературе 20 века. Ю. А. Большакова («Феномен «деревенской прозы») отмечает, что «в постсоветский период наметилась аль-

тернативная концепция, направленная на обоснование взгляда на деревенскую прозу как явление творческого противодействия тоталитарной системе недавних времен: поэтика «деревенской прозы» в целом была ориентирована на поиск глубинных основ народной жизни, которые должны были заменить государственную идеологию».

В связи с этим появились и новые критерии в оценке героев «деревенской» прозы. В. М. Пронягин предлагает типологию героев, исходя из идеи соборно-хорового единения; в основе типологии Ю. М. Павлова совокупность многих критериев, главными из которых являются религия и нравственность. Такой подход к оценке героев В. И. Белова кажется нам наиболее правильным.

Положительным героем произведений малого жанра В. И. Белова является крестьянский герой. Интерес к такому типу в прозе конца 20 века объясним. По утверждению А. Ю. Большаковой, «деревенская проза как феномен национального сознания проявляет себя в раскрытии и художественном сохранении тех важнейших черт народной души, психологии, этики и эстетики, самобытного строя философского мирозерцания, которые были во многом утрачены в исторических переменах и катаклизмах 20 века, но были сохранены национальным (исконно крестьянским) менталитетом в таких его канонических категориях, как национальная самоидентичность, русская идея, народный характер». Наверное, именно поэтому В. И. Белов оценивает своих героев по-особому, вне времени, вне политики, словно обнажая, отбрасывая все наносное, представляя на суд читателя только то, что является по-настоящему ценным во все времена.

Вот почему в изображении судеб положительных героев Белова есть следующие закономерности:

1. Жизненный путь героя – это цепь трагических событий, не зависящих от воли человека.
2. Главный жизненный принцип героя – терпение, покорность судьбе.
3. Характер героя проявляется не в борьбе за счастье, а в выполнении будничной, повседневной работы.

Особенно ярко эта концепция проявляется в таких рассказах, как «Весна», «Скакал казак», «Колоколена», «Такая война». Каждый из них является целостным описанием жизни человека, сложившейся тем или иным образом не по его воле, а в силу ряда неблагоприятных, а порой трагических обстоятельств. На первый взгляд, их жизненную позицию можно было бы назвать пассивной, так как они принимают навязанные им временем, системой нечеловеческие условия и не обладают развитым личностным сознанием. Именно поэтому герои рассказов В. И. Белова казались некоторым критикам негероичными, не заслуживающими внимания. Думается, это обусловлено особым пониманием автором предназначения жизни и идеи добра. Мы сделали попытку проанализировать сквозь призму вышеперечисленных закономерностей несколько рассказов, включенных в сборник «Душа бессмертна», сравнить способы изображения центральных

персонажей, чтобы выяснить, чем определяется характер героя и какие критерии в его оценке для автора являются приоритетными.

1. Мужские образы

Рассказ «Весна». Главный герой – Иван Тимофеевич за недолгий период времени теряет самых родных и близких ему людей: на войне умирают два сына. Автор подчеркивает, что *«в эту зиму Ивана Тимофеевича все чаще прихватывала тоска. Началось это после того, как пришла вторая похоронная – похоронная на младшего – Колюху. Только успели опомниться от горя после первого извещения – извещения на старшего, как опять принесли бумажку из сельсовета. В ней писалось, что сын героически погиб при выполнении задания, что похоронен там-то и там-то. Два года – две головы...»*. *«За что беда такая, за что?»* – думает Иван Тимофеевич. Но даже это не отвлекает его от выполнения повседневной работы. Он едет на ослабевшей от голода лошади за дровами, рискуя жизнью: *«Передний волк дважды прыгал к горлу Свербехи, и каждый раз, кувыряясь, отлетал, отброшенный запягом»*.

Следующее событие – смерть коровы, когда в колхозе началась бескормица. После этого жена Ивана Тимофеевича начала заговариваться, но героя, видимо, поддерживают будничные заботы, и даже лошадь он призывает: *«Ну, потерпи, потерпи»*.

Однажды утром накануне пахоты он надевает новую рубашу, радуясь, выкатывает из гумна плуг и выводит Свербеху на борозду, уговаривая: *«Давай, матушка, давай, надо ведь»*. Радость весенних работ омрачается третьей похоронкой. *«У Ивана Тимофеевича затряслись руки, когда он начал читать. Солнце покатилося и перевернулось вместе с небом, деревня перевернулась крышами вниз...»*

«Левонида! Левонида убило!» – закричал Ярыка, и вся деревня сбегалась к этому крыльцу. Плакали все до одного, плакали навзрыд о погибшем на чужой стороне за три дня до конца войны».

Не стерпев горя, умирает жена, остается один лишь старый друг – кобыла Свербеха, спасительный огонек, дающий душевное тепло и силы для дальнейшей жизни, но и он вскоре затухает от голода. *«Свербеха лежала на левом боку и не двигалась. Иван Тимофеевич кинулся к ней, дернул за холку, но тяжелея оскаленная голова была холодна и неподвижна, большие копыта откинута. Иван Тимофеевич медленно опустился на холодный лошадиный круп»*.

У Ивана Тимофеевича не остается ничего, что могло бы смягчить неутихающую боль, чем можно было бы оправдать пребывание в этом мире, и он решается на добровольный уход в мир иной. Но односельчанка Польшка спасает его от смерти. Та Польшка, которая сама потеряла на фронте мужа и осталась одна с маленьким сыном. И перед нею совестно становится старику за совершенное. *«Не говори, Полинарья, никому, – повторял Иван Тимофееви, стыдясь того, что случилось»*.

Почему стыдно герою? Почему не желает он, чтобы о его поступке узнали в деревне? Герой осознает, что не один он такой несчастный и раздавленный обстоятельствами, что все терпят такие же трудности. В свете этого его желание уйти из жизни кажется ему проявлением слабости, предательством по отношению к односельчанам, среди которых не осталось мужчин, и к родной земле. Выбрать смерть было бы слишком просто. «Надо было жить, сеять хлеб, дышать и ходить по этой трудной земле, потому что другому некому было делать все это».

Рассказ «Скакал казак». Судьба Ивана Тимофеевича напоминает судьбу бригадира Гудкова, героя рассказа «Скакал казак». Воспринимать всё происходящее в жизни как должное – именно так относится к действительности Степан Михайлович. Питаясь жидкой картофельной похлебкой и пареной брюквой, он целый день хлопочет по хозяйству, которое он знает и любит. В конце дня в своей книжке бригадир записывает: *«24 октября. В четверг. День прошел благополучно»*. А ведь в этот день произошло много далеко не приятных событий: чуть не скончалась от угара одна жительница: *«Шурка была без чувств от угару. Зеленая слюна пенилась на жатых зубах, глаза были закрыты»*

Другая, желая хоть как-то прокормить и порадовать своих детей, взяла себе несколько горсточек ржи и теперь будет посажена в тюрьму на полтора, а то и на два года. *«...о том, что Костерьке дадут полтора, а то два года, знала вся деревня»*. Знал это и бригадир, знал, что и с него за это могут спросить.

Взети рожь приходится отправлять оскорбивших его подростков, уговорить которых стоило Гудкову немалых усилий. И все это — помимо тревожного ожидания вестей с фронта, похоронок, хронического недоедания, физического истощения, непомерно завышенных планов хлебозаготовок, нехватки рабочих рук, изнурительного труда, безумной тирании председателя сельисполкома.

Почему же Степан Михайлович называет этот день благополучным? Да потому, что зерно всё-таки удаётся вывести. И не из-за того, что все боятся председателя, а потому, что осознает: хлеб действительно нужен на фронте.

В заботе об общественном благе проявляются лучшие черты Степана Михайловича. Он понимает, что отдать хлеб – это долг родине. Но он понимает, что и колхозницам приходится нелегко, поэтому старается всячески помочь им. Понимает Степан Михайлович и Костерьку, которая украла несколько горсточек ржи. Понимает он и Яшу, которому не в чем ехать, и Анютку, у которой уже два нарыва, и Поликсенью, которая боится лошадей. Но понимает он и то, что «жить без работы и совсем не было никакого толку».

II. Женские образы

В рассказе «Колоколена» перед читателем предстает звонкая, веселая, подвижная героиня Параня. В монологе героини вырисовывается судьба крестьянской женщины, брошенной на старости лет сыновьями, живущей в не совсем благополучной семье дочери. Она несет бремя домашнего хозяйства, ухаживает за внуками много лет подряд.

«Жила она у дочки и зятя в соседней с нашей деревне, двенадцать годов подряд нянчила ребятишек». Ей, забытой своими сыновьями, «было так обидно, что и не выговорить».

Но, несмотря на всё, её голос остаётся звонким, она словно излучает свет и тепло, именно поэтому рассказчику становится весело, когда Параня начинает говорить: *«Все это было сказано за три секунды, и я сразу повеселел»*

Шумная, говорливая Параня на самом деле терпеливо несет назначенный ей крест, сетуя, как заведено, на свою долю, но и не отрекаясь от нее. В ней нет никакой обиды ни на людей, ни на свою судьбу. Это становится понятно из отношения к бросившим её сыновьям: хотя Параня и упрекает их, но в этих упреках нет ни капли злобы, она давно их простила. Забота о внуках, сочувствие чужой беде наполняют ее жизнь смыслом. Она просто ко всему относится. Эта простота, легкость и умение прощать вызывают симпатию у читателя к героине.

Рассказ «Такая война». Ещё один типичный образ крестьянки, поставленной в жестокие условия и мирно несущей все трудности жизни, показывает Белов в рассказе «Такая война». Героиня рассказа Дарья Румянцева переносит все сложности, но не теряет той доброты, миролюбия, которые воспитывает в человеке христианская вера. На фронте умирает единственный сын Дарьи Иван, и ей приходит похоронка, но Дарья не верит, не хочет верить в это. Поэтому героиня старается найти причины фальшивости похоронки: каждый раз, как приезжают цыгане, она просит их погадать, не жалея для этого самого лучшего, что у неё есть. *«Когда через деревню проезжали цыгане, Дарья каждый раз ходила гадать на Ваню. Карты ложились веселые, все почти красные. Дарья уходила от цыганки радостная, просветленная, не жалея ни козьей сметаны, ни последней напойки еще довоенного китайского чаю».*

Вера в то, что её сын всё-таки жив, помогает Дарье самой жить дальше: *«Сердце ее успокаивалось, и она ходила по всем домам с одним разговором: «Жив у меня Ванюшко, жив, пустая эта бумага, неверная...»*

Несмотря на все тяготы, она не потеряла способности ценить самое обыденное. Приходя вечером в конюшню, Дарья радуется за лошадей, которые наконец-то могут отдохнуть и поест: *«Пока она шла длинным коридором, в ней светилось чувство покоя и удовлетворения, но она не знала, что это была всего лишь радость за измученных за день и теперь утолявших голод лошадей».* Эту любовь проявляет Дарья не только к лошадям, но и к своей козе, которая приносит хозяйке только хлопоты. Дарью даже

штрафуют из-за проделок козы: *«То забиралась коза в колхозный хлеб, и тогда Дарью, как, впрочем, и других, штрафovali на пять — десять трудодней»*. Но героиня всё терпит и даже жалеет козу: *«Из-за всего этого и называла Дарья свою «корову» разными кличками: то Валькой, то Щепоткой, но всегда без особого зла, и в общем-то жалела животину»*.

От козы никакого толку, да ещё и полный налог приходится платить. Дарья мучается, но старается всё выплатить, ведь понимает, что надо: *«С нее брали полный налог: яйца, мясо, шерсть, картошку. Все это она сдала, кое прикупив, кое заменив одно другим, и только по мясу числилась недоимка, да денежный налог был еще весь целехонек, не говоря уже о страховке, займе и самообложении»*. Но Дарья рада пришедшему напомнить ей о долге Пашке: *«завыставляла самовар, от души радуясь гостю»*. Не жалеет она и о козле, которого не успела сдать в счет мясопоставок, его отбирают в виде штрафа за умершего не по её вине мерина. Было обидно, но Дарья ни на кого не держит зла.

Когда наступает голод, бабы начинают менять вещи на еду. Всё, что осталось у Дарьи, — полушерстяной Иванов костюм, с которым ей тяжело расстаться. *«Она не могла осмелиться идти с бабами и тогда, когда начали пухнуть ноги»*. Но жить надо, и приходится отдать костюм: *«Она выменяла на Иванов костюм полмешка картошки и обрезками посадила полторы гряды»*.

Дарья не мыслит себя без односельчан, чувство коллективизма оказывает лечебный эффект и на душу, и на ее больные ноги: *«Дарья каждый день ходила с бабами косить: в куче и время шло быстрее, и есть меньше хотелось, и тоска как будто стихала»*. И даже, когда её становится плохо, Дарья терпит, и в ней откуда-то опять появляются новые силы. Приходя домой, от тоски она разговаривает с самоваром. Самовар — единственная ценность, что остается у неё. Вот и бежит она укрывать самовар, когда начинается гроза: *«Дарья, слабея от страха, задвинула вьюшку, плотно укрыла самовар холицовой скатертью, и в это время грохнуло так, что она, не успев перекреститься, бессильно упала на пол и потеряла память»*. Когда за долги перед государством описывают имущество, она, не сопротивляясь, отдает шерсть, но, когда Куверик забирает даже самое последнее — самовар, несмотря на мольбы оставить его, у Дарьи не остается ничего, чтобы жить дальше.

Как жить больной, ограбленной, одинокой женщине, у которой, кроме веры, что сын жив, нет ничего? Тело Дарьи находят через некоторое время в заброшенном сарае. Добровольный ли это уход из жизни? Могла ли Дарья уйти умирать подальше от дома, чтобы не видели односельчане? Старик Миша смеялся над такими предположениями. Не верит в это и автор. После конфискации самовара Дарья бредит, ей кажется, что она видит Ивана на пригорке без оружия и спешит спасти сына: *«... Дарья побежала к нему, вся в жестокой тревоге. Ей хотелось бежать быстрее, а ноги ее не слушались, и что-то тяжелое, всесильное не давало ей бежать к сыну»*.

И ряды солдат неотвратимо, медленно удалялись от Дарьи все дальше и дальше...». Нет, не добровольный это уход из жизни, это было бы слишком легко: умереть, оставив в опасности сына, бросив односельчан, которым тоже нелегко.

Дарья не умирать шла, поэтому она взяла с собой и корзинку с едой. Она погибает от голода и усталости, думая, что спасает сына. Разве это не героическая смерть?

В рассказах В. Белова представлены люди разных возрастов и полов. Судьбы каждого из героев похожи, как и их отношение к действительности, к миру: все они не борцы, а страстотерпцы, для них отказ от этой доли есть проявление слабости, предательство по отношению к ближним. Они живут по принципу «если не я, то кто же» и не перекладывают свою ношу на других, а несут тяжелый крест вместе со своим народом. За это и любит их автор.

Проза Василия Белова осмысливается как отстаивание народно-православной традиции. Православие формирует особую нравственность, диктует писателю особую концепцию мира и человека. По утверждению С. Ю. Баранова, «концепция эта трагична, человек в соответствии с ней изначально обречен страдать, испытывать лишения, терпеть и находить смысл своего существования в его поддержании и продолжении, невзирая ни на что». Сила человеческого характера определяется не способностью к бунту против навязанных условий, а возможностью вынести, пережить все жизненные невзгоды, сохранив при этом человеческое достоинство.

Ключевыми нравственными понятиями у Белова становятся «труд», «совесть», «терпение», «забота о ближних», «любовь». Добро у Белова – это «несотворение зла и непрерывное делание жизни в её обычных проявлениях». Поэтому их терпение и покорность судьбе – проявление силы и мужества, а не слабости.

Литература

1. Баранов С. Ю. О рассказах В. Белова // Предисловие к книге рассказов. Белов В. Душа бессмертна. – М.: Центр книги ВГБИЛ им. М. И. Рудомино, 2010.
2. Белов В. И. Душа бессмертна: Книга рассказов. – М.: Центр книги ВГБИЛ им. М. И. Рудомино, 2010.
3. Большакова А. Ю. Феномен «деревенской прозы» // История советской литературы: Новый взгляд. – М., 1990. – С. 144-156.
4. Емельянов В. А. Идеино-художественная эволюция характера в прозе В. И. Белова. – М., 1984. – С. 29-36.
5. Новожеева И. В. Концепция человека в деревенской прозе 1960 – 1980 г.: по произведениям В. Астафьева, Ф. Абрамова, В. Белова, В. Распутина, В. Шукшина. – Брянск, 2007.
6. Смирнова А. Концепция человека в современной прозе о деревне. – Север, 1977. – №1. – С. 111-113.